

Будьте мне счастливы!

Моей дорогой доченьке в день рождения.

Вот Вы, например, спросите меня:

—Много ли нужно человеку для счастья?

И я Вам отвечу:

—И много, и совсем немного.

—И что это за еврейский ответ без ответа?—скажете Вы.

—И что это за умник, который один знает не только, что такое счастье, но и что нужно, чтобы быть счастливым?

Много мудрецов, мол, тысячи лет ломали себе головы над этим и так и не придумали ничего путного. А этот умник всё понял. И я вам отвечу:

—Для того, чтобы сказать, что такое счастье и как быть счастливым, совсем не нужно быть мудрецом.

Для этого нужно родиться в большой и, мягко говоря, не очень обеспеченной семье, где много детей и не всегда есть курица на обед и «лэйкех» на праздники. В этой семье мама на большой праздник печёт большой пирог, и когда вся семья садится вечером за праздничный стол, разрезает большим ножом этот большой пирог на много маленьких кусочков. Потом эта добрая и мудрая мама следит за тем, чтобы каждому за столом достался кусочек пирога. Если хватит каждому по два кусочка, то будет по два. Но каждому! И не иначе! Точно также и в жизни со счастьем. Есть в нашей жизни большой «пирог счастья». Один большой пирог на всех нас. Но, к несчастью, нет той доброй и мудрой мамы, которая следит, чтобы всем досталось от этого пирога поровну.

Что делать? С этим нужно смириться. Но не всем от этого хорошо. Один умудряется первым прибежать к столу и нахватать кусков больше, чем он может скушать. Другому скромно достанется один кусочек, а кто-то вообще подошёл к столу не с той стороны, где лежит пирог, и ему ничего не досталось.

Бывает и такой недотёпа, который во время раздачи пирога целуется со своей девушкой и вообще думает, что поцелуи заменят ему пирог и что это и есть счастье. Бывает и такой мудрый, который читает книгу и думает, что он обойдётся без кусочка «пирога счастья». И вот тут я, наконец, отвечу на Ваш вопрос: Счастье—это когда у тебя есть достаточно «пирога счастья», чтобы хватило тебе самому и чтобы ты мог и хотел дать ещё по кусочку тем недотёпам, мудрецам и «шлимазлам», кому не досталось при раздаче.

По тому, как Вы задаёте мне вопросы, я понял, что именно Вы как раз из тех, кто успел нахватать много кусков этого волшебного пирога. Но, боюсь, что этого Вам мало для счастья. Посмотрите вокруг и Вы увидите тех, кому ничего не досталось. Поделитесь с ними и будьте мне счастливы.

А если я ошибся, и Вы, не дай Б-г, из тех, кому не досталось, то пусть найдётся тот, который поделится с Вами. И будьте Вы оба мне счастливы!

Эмигрант

Что представляет собой еврейский эмигрант в Германии?

Во-первых, он "искатель". Вначале он искал причины, по которым нужно уезжать. При всём различии характеров, образования и... вообще, основная, главная причина выезда в Германию у большинства евреев — ради детей и внуков — "пусть им будет лучше, чем нам".

Приехав на ПМЖ в Германию, он "ищет" возможность делать деньги. Независимо от профессии, жизненного опыта и наклонностей. Потерпев несколько неудач на этом поприще (за редким исключением), он «ищет» причину своих неудач и находит не одну, а целую кучу причин, причём, он

сам в этих неудачах не виноват!

Затем он ищет квартиру, мебель на "шпермюлях" (свалках) и прочее барахло.

После этого начинается самый продолжительный период "исканий": он "ищет" недостатки во всех сферах жизни в Германии.

То, что он живёт здесь лучше, спокойнее, комфортнее, чем на своей бывшей родине, его не останавливает в этих "исканиях" и ни в чём не убеждает. Он умудряется напрочь не замечать всё то хорошее, что объективно присутствует в его жизни здесь и с упорной радостью "искать" и находить всё отрицательное.

На этом с "во-первых" можно и закончить.

Во-вторых, он вдруг, внезапно обнаруживает в себе недюжинные способности политика. На родине с этим было гораздо проще и менее интересно. Там он ругал советскую власть, боялся её, и там ему не с кем и не о чём было спорить. Теперь ему некого и нечего бояться — он критически относится к власти на своей родине и ещё более критически относится к власти в Германии. Он смело вслух критикует и ту, и другую.

При этом его совершенно не смущает то, что он уже давно не живёт там и очень слабо разбирается в политической палитре России или Украины.

Он живёт в Германии, но немецких газет не читает (или почти не читает), немецкое телевидение не смотрит (или почти не смотрит, или очень плохо понимает).

При этом он убеждён, что в политике и там, и здесь он прекрасно разбирается и лучше всех министров и президентов знает, что, как и когда нужно делать. Он готов до хрипоты спорить о политике, готов убеждать в своей правоте кого угодно и когда угодно. Некоторые осмеливаются об этом даже писать. Если на родине он был занят на работе, много времени и сил у него уходило на бытовые проблемы, то здесь у него уйма свободного времени, и значительную его часть он тратит на политику.

В-третьих, он очень обеспокоен чисто еврейскими проблемами. Особое место в его жизни занимают его взаимоотношения с еврейской общиной или, как говорят у нас, "с синагогой", хотя синагога — это только здание, помещение, в котором молятся.

Причём, здесь еврейские эмигранты делятся на две категории: те, кто посещают синагогу, и те, кто либо туда не ходят вообще, либо ходят очень редко. Но и те, и другие, как правило, недовольны деятельностью общины и твёрдо знают, как нужно реформировать не только общину, но и сам иудаизм. Об этом все много говорят, а некоторые даже пишут.

Если кто-то не согласен с такой общей характеристикой еврейского эмигранта, пусть внимательно присмотрится и прислушается к своему соседу. А если вдруг он прислушается к самому себе, то ему придётся согласиться. Правда, есть ещё одна очень малочисленная категория эмигрантов, у которых всё хорошо, они всем довольны и им всё ясно. Они каждый день радуются жизни и берут от неё всё, что можно. Наверное, они в чём-то правы, но не каждому это дано. Хорошо или плохо то, что таких среди нас мало? Вот в чём вопрос.

Единственный

Всё складывалось в её жизни удачно. Подруги завидовали, родственники радовались.

Куда уж лучше: любящий, успешный муж, дети, шикарный дом. Да и сама она не желала ничего лучшего. Живи и радуйся! Она и радовалась. Правда, радости эти её были какими-то очень уж обыденными, очень блеклыми. Но ... в общем, жизнь текла в довольно приятном русле.

И вдруг, однажды, выходя с покупками из магазина, она увидела до боли знакомую долговязую фигуру мужчины, идущего впереди. Лица его она видеть не могла, но была уверена, что этот человек ей хорошо знаком. Она шла следом за ним, мучительно вспоминая, у кого она видела этот крепкий, аккуратно подбритый затылок, небольшие, прижатые к голове уши и, главное, походку очень уверенного в себе мужчины.

На пешеходном переходе он повернулся к ней боком, она увидела его профиль и обомлела. Всё вспомнилось сразу, в какое-то мгновение, хотя прошло уже почти двадцать лет. Ей было тогда самой двадцать. Боже мой, неужели с тех пор прошло ещё двадцать лет?

Была студенческая вечеринка. Собрался не обычный узкий круг ребят и девушек из её группы, а разношерстная компания, где не все были знакомы друг с другом. В таких компаниях она, как правило, смущалась и оттого выглядела ещё менее яркой и привлекательной. Она сидела у окна и тихонько скучала, поругивая себя за то, что пришла на эту вечеринку.

И тут вошёл он! Высокий, весёлый, с точёным, мужественным лицом, Он вошёл весь уверенный в себе, в своей неотразимости. Об этом, не стесняясь, говорили и его уверенная походка, и его глаза. Да, да глаза — немного выпуклые карие глаза охотника, высматривающего добычу. Он смотрел на всех и ни на кого определённо.

У неё почему-то слегка закружилась голова и защемило где-то внизу живота. Ничего подобного с ней никогда ещё не было. Она оглянулась на присутствующих в комнате девчонок — не заметил ли кто её явного смущения? Но у тех у самих при виде его заблестели глазки, им было не до неё. А он о чём-то говорил с ребятами, шутил и чему-то всё время улыбался. И в улыбке его было что-то властное, хищное и, вместе с тем, притягательное.

Краем глаза она следила за ним, боясь встретиться с ним взглядом, боясь обнаружить свой интерес к этому человеку. Ей трудно было бы словами описать свои тогдашние ощущения, но одно ей было ясно — она ждала его уже давно. И дождалась. Он подошёл к ней церемонно-шутливо, властно взял за руку и сказал:

— Вы ведь ждали меня?

Она обомлела от неожиданности и, плохо соображая что говорит, от испуга и радости одновременно, прошептала:

— Да.

Потом они танцевали. Всё было для неё словно в тумане. Он что-то говорил, она ему что-то отвечала. Иногда во время танца он шептал ей не очень скромные, волнующие её слова, касаясь её уха губами и небольшими, аккуратно подстриженными усиками. Не дожидаясь конца вечеринки, в очередном танце он не спросил её, пойдёт ли она с ним, согласна ли она с ним пойти? Он предложил ей пойти к нему, предложил с уверенностью победителя, которому побеждённый отказать просто не может. И она, сгорая от стыда и злясь на себя за слабость, не смогла отказаться. Она пошла с ним. Он был её первым мужчиной и, как она поняла много позже, её единственным мужчиной.

Через три года она вышла замуж. После замужества были у неё ещё мужчины — у кого их не бывает? Но того, что принято называть восторгами любви, ни с кем, кроме него, она не испытала. Было удовлетворение, но не восторги. Взлетала в поднебесье от счастья и проваливалась в преисподнюю от испепеляющей душу и тело страсти она только с ним.

Связь их длилась недолго. Всего месяца два — не больше. Два, три раза в неделю она приходила к нему в его однокомнатную уютную квартиру. У него всегда было чисто прибрано, вещи все находились в идеальном порядке, и сам он был очень ухоженный, элегантный, всегда пахнущий дорогим одеколоном. Ей каждый раз хотелось подольше побыть у него, расспросить о многом, узнать его поближе. Но он всегда торопился к главному, к постели. Стоило ему обнять её, прижать к себе и поцеловать, как она совершенно теряла голову и превращалась в послушную в его руках игрушку. Но ей это нравилось, она сама этого хотела.

Теперь, по прошествии стольких лет, она многое поняла. С ним она никогда не смогла бы вести себя так, как она порой вела себя с мужем, да и с другими мужчинами. Она не смогла бы ни в чём противиться ему, даже просто возражать. А уж о том, чтобы ругаться или капризничать, упрекать его или обвинять в чём-то — об этом не могло быть и речи. Даже, если бы их связь продолжалась не два месяца, а все двадцать лет, даже, если бы он был её мужем. Стоило ей увидеть его, услышать его голос, заглянуть в его глаза, почувствовать его руки, и она растворялась в нём физически и духовно, она подчинялась его воле, его желаниям. Он ни разу не сказал, что любит её. Зато как он умел это делать!

Также стремительно, как он вошёл в её жизнь, также он и ушёл из неё.

Однажды при встрече он вдруг сказал, что уезжает в длительную командировку и не может сказать, когда вернётся. Он был старше её лет на десять, где-то работал, но она даже не знала — где. Больше она его не видела. Несколько раз после его отъезда она приходила к нему на квартиру, нажимала кнопку звонка и долго ждала, что он откроет дверь. Квартира была пуста. А однажды, спустя полгода, на её звонок вышел мужчина средних лет в пижаме и тапочках. Она спросила Георгия, и он ответил, что такого здесь нет. Больше она туда не ходила.

И вот теперь она стоит посреди тротуара и смотрит, как он переходит улицу и растворяется в толпе прохожих. Стоит как столб, не в силах двинуться с места, а он опять уходит от неё, уходит, видимо, уже навсегда.

Побежать! Догнать! Броситься ему на грудь. Зарыдать, наконец. Сказать, что она любит его, что не

может без него жить. Не может и не хочет. Но ноги не слушаются, силы её покинули. Какой-то участливый прохожий спросил:

— Вам плохо, дамочка? Может, Вам помочь? — Да, — едва слышно ответила она, — мне очень плохо, но Вы мне не поможете.

Прохожий передёрнул плечами и пошёл своей дорогой.

Как она прошла эти два квартала до припаркованной машины? Как она выезжала со стоянки? Как доехала до дома? Она ничего не помнила — была полная прострация.

Детей дома не было, младший — в школе, старший - в институте, муж — на работе.

Не сняв плаща и обуви, она упала в кресло и разрыдалась. Сквозь слёзы она рассматривала, будто впервые увидев, дорогую стильную мебель, лепной потолок, хрусталь в серванте, картины на стенах. На столике в её спальне стояли в рамках фотографии мужа и сыновей. Она брала в руки поочерёдно эти фото, внимательно разглядывала и ставила на место. Всё, чем она жила все эти годы без него,— близкие ей люди, кем она жила,— всё это показалось ей вдруг не то чтобы не важным, но не самым важным в её жизни. Вспоминала ли она его все эти годы? Не вспоминала — помнила.

Если бы она могла и захотела выразить словами те чувства и мысли, которые владели ею в тот момент, она, наверное, сказала бы:

— Поймите меня! Я ценю всё, что имею. Я люблю вас всех и готова сделать всё возможное для вашего счастья. Но ведь есть ещё и я. Я тоже хочу быть счастливой. А для меня счастье — это он. Но он ушёл навсегда, а я пришла в этот дом, пришла к вам. Вот и всё. Я не знаю, нужна ли я ему теперь? Помнит ли он, как меня зовут и помнит ли меня вообще? Это очень важно. Но важнее всего то, что он нужен мне. Нужен, чтобы быть счастливой, чтобы любить его, быть рядом с ним, восхищаться им, умирать и вновь воскресать в его объятьях.

Она молча сидела и слёзы текли и текли по её лицу.

Случилось так, что и он вспомнил о ней в тот день. Нет, он не заметил её на улице, а если бы и заметил, то вряд ли бы узнал. Просто зашёл в гости к старому другу, который после очередного развода случайно поселился в его бывшей квартире, в которую она когда-то приходила к нему. Сидел с другом и с удовольствием цинично рассказывал, сколько женщин прошли через эту комнату. Среди прочих вспомнил он и её, наивную, восторженную студенточку, влюблённую в него без памяти.

«Ничего была девочка, но были и получше, а эта прилипла как пиявка.» Чтобы избавиться от неё, ему даже пришлось съехать с этой квартиры.

Слава Богу, она не могла всего этого слышать. Он навсегда остался для неё единственным. Она и дальше, на всю оставшуюся жизнь останется в плену своих воспоминаний, которые по сути есть фантазии и иллюзии. Она чисто по-женски счастлива уже тем, что у неё был её единственный мужчина, которого она безумно любила и который, безусловно, любил её, хотя никогда об этом ей не говорил.

Со временем её всё больше будет раздражать муж — серость и непривлекательность его внешности, мягкий характер, его скромные, неумелые ласки. Она постоянно будет сравнивать мужа со своим единственным мужчиной и от этого муж будет казаться ей всё хуже, всё бездарнее и всё ненавистней. А он, любя жену, будет терзаться подозрениями, будет винить себя, стараться быть повнимательнее к жене, помягче, и этим будет ещё больше раздражать её и всё больше проигрывать в её глазах в постоянных сравнениях с тем необыкновенным, единственным её мужчиной.

Что тут скажешь? Можно сказать: «Таковы женщины», но можно сказать и иначе, как говорят французы: «Такова жизнь».

Поговорим «за юмор»

«Поговорим за жизнь» — часто можно услышать от одесситов. Многим эта фраза нравится. Мне — не очень. Какой смысл «за неё» говорить, если чем дольше живёшь, тем меньше в ней, в этой жизни, понимаешь, потому что, чем дольше живёшь, тем больше понимаешь, что ничего в этой жизни понять не можешь. Если есть смысл «за что» поговорить, так это «за юмор». Есть смысл «за него» поговорить, потому что, как сказал известный юморист сегодняшней России Виктор Шендерович: «Юмор — это дар Божий, которым Всевышний может наградить, а может наказать его отсутствием».

Кто из нас не любит анекдот или просто хорошую шутку? Все любят, или почти все. Одни больше любят рассказывать, другие – слушать. Рассказывать – это особый дар, но уметь слушать – не менее особый.

Вот Вам одна коротенькая фраза великого Шолом Алейхема (он же – Соломон Рабинович):
«Человек как плотник – живёт, живёт и умирает».

Если Вам не понравилась эта парадоксальная, ироничная фраза, если Вы не улыбнулись горькой улыбкой и не получили от неё удовольствия, то с Вами нужно говорить о другом, о чём угодно, но не о юморе. Но поскольку я уверен, что Вы всё понимаете и улыбаетесь, то вот Вам ещё одна, уже историческая шутка.

В один из самых критических моментов существования государства Израиль (во время войны Судного Дня) в Иерусалим приехал Генри Киссинджер – тогдашний госсекретарь США. Израильцы возлагали на него, как на госсекретаря и как на еврея, большие надежды в части безоговорочной и полномасштабной поддержки позиции Израиля в этом конфликте. Киссинджер был очень недоволен оказываемым на него давлением и, выступая в Кнессете, высказался недвусмысленно:

— Во-первых, — сказал он, я - американец. Во-вторых, - государственный секретарь Соединённых Штатов Америки. И только в последнюю, третью очередь, я — еврей.

— Это верно, - заметила Голда Меир. — Но ты забыл, что мы читаем справа налево.

Неплохо, правда?

Мир знает многих великих юмористов прошлого, да и настоящего. Здесь и Марк Твен, и Ильф с Петровым, и Бернард Шоу, и ныне здравствующий Михаил Жванецкий, и, не к ночи будь помянут, Иосиф Сталин. Да, да – не удивляйтесь.

Вот Вам один из образчиков его юмора (или анекдот о его юморе – как Вам будет угодно).

1941-й год, битва под Москвой, Ставка Верховного командования. Сталин – Жукову:

—Товарищ Жюков, вам поручается организовать оборону Москвы. Если ми не удержим Москву, ми вас просто расстреляем.

1942-й год, оборона Сталинграда, Ставка Верховного командования. Сталин — Жукову:

— Товарищ Жюков, вам поручается руководство сражением под Сталинградом.

Если немцы возьмут Сталинград, ми вас просто расстреляем.

Затем, то же самое в 1943-м году под Курском, потом – то же при взятии Берлина. И, наконец, 1945-й год, торжественный приём в Ставке Верховного командования, посвящённый разгрому фашистской Германии. Сталин произносит тост:

— Я предлагаю выпить за нашу победу в этой тяжелейшей войне, за мужество и героизм солдат и офицеров Красной Армии и за то, что в самые трудные моменты этой страшной войны нас никогда не покидало чувство юмора. А присутствующий здесь товарищ Жюков это может подтвердить.

Вот и поговорили немного «за юмор». Он ведь бывает разный. Нынешние «водители» тоже порой его не лишены. Видимо, нужно нам, простым смертным, запастись чувством юмора и воспринимать их, и прислушиваться к ним с максимальной иронией.

Так будем здоровы и, по возможности, счастливы. А чувство юмора нам в этом обязательно поможет.

Как Вам в Германии?

Есть такой очень старый анекдот. Встречаются два приятеля:

— Ну что, ты уже, наконец, женился, или всё также сам себе стираешь, готовишь и моешь полы?

—Ты знаешь — и то, и другое!

Эмиграция — это, конечно, не женитьба. Это значительно хуже, значительно тяжелее. Потому что женимся мы молодыми, и у нас есть время привыкнуть к «прелестям» семейной жизни. А в эмиграцию мы «попали» в таком возрасте, когда привыкать к её «прелестям» времени уже не осталось. Я имею в виду именно тех, кому таки времени не очень много осталось. Если Вы подумали, не дай Б-г, что я жалею о том, что уехал «оттуда» и приехал «сюда», то это не так. Какой смысл, спрошу я Вас, жалеть о том, что женился, когда уже выросли внуки?

И какой смысл жалеть об эмиграции, спрашиваю я себя, когда мы все уже «здесь»?

Но если Вы спросите нас с женой: что изменилось в нашей жизни с приездом в Германию, то мы

дружно ответим Вам приблизительно так же, как в том старом анекдоте. И это будет чистой правдой. С некоторыми улучшениями, но и с некоторыми ухудшениями — то же. Судите сами.

Там мы не были богатыми, но мы и не голодали. Потому что, если у тебя есть не только высшее образование, но ещё и немного мозгов и пара рук, то твоя семья уже не сидит на одном хлебе. Здесь мы тоже не едим один хлеб, хотя и диплом, и голова, и даже руки наши здесь нужны, как в огороде пианино.

Жена целыми днями стоит у плиты, а я ей помогаю. Она и там от плиты не отходила. Вы думаете: мы так много едим? Не больше, чем раньше. Но кушать всё-таки надо. И не только нам с женой. Если «там» жене нужно было приготовить обед и внуку, который со школы идёт не к маме, которая целый день на работе, а к бабушке, которая целый день стоит у плиты, то «здесь» нужно готовить обед тому же внуку, который из гимназии идёт не домой к маме, которая всё равно целый день на работе, а к бабушке, которая всё равно целыми днями стоит у плиты.

«Здесь» в магазинах есть любые соленья и варенья, но жена это делает вкуснее и дешевле — как и «там». «Там» мы смотрели русское телевидение и разговаривали друг с другом и со знакомыми по-русски. А «здесь»? И совсем не потому, что нам не нравится немецкий язык. Скорее мы ему не нравимся и уже не понравимся. «Здесь» я имею возможность посещать синагогу. «Там» тоже уже открылись синагоги, и я мог бы ходить и молиться за своих детей и внуков. «Там» я больше всего любил свою семью и не очень любил власть. И «здесь» я не меньше люблю своих детей и внуков и не очень люблю правительство. Там мне всё давали партия и родное правительство. Правда, этого «всего» всегда не хватало. Здесь нам всё даёт не родное правительство, но и тут нам на всё не хватает, потому что «всё» — это неизвестно сколько.

Моя жена «там» была больше недовольна мной, чем довольна. Думаете, «здесь» что-то в ней поменялось?

Я думаю, примеров довольно.

Так что Вы можете мне возразить? Что, у Вас всё по-другому? Я рад за Вас, если это так. Но можно мне немного посомневаться?

Короче говоря

Почти 30 лет проработал сначала инженером, а затем старшим инженером группы в проектно-институте, и все эти годы прожил в страхе. Боялся, что не примут проект, боялся, что лишат очередной премии, боялся, что понизят в должности, боялся, что жена узнает о заначке, наконец, просто боялся начальства. Короче говоря, жил и боялся... боялся... боялся.

В семидесятые годы боялся уехать в Израиль, хотел, но боялся. Боялся, что здесь заключают пока придёт разрешение на выезд, боялся, что не найдёт денег на отъезд, боялся, что там не найдёт себе работу. Короче говоря, боялся отъезда больше, чем этой жизни здесь.

В девяностые годы тоже боялся, всего боялся: боялся остаться и боялся уехать, боялся, что жена и дети не простят, если не уедут и боялся, что проклянут, если уедут. Сам не знает, как решился уехать с семьёй в Германию. Приехал и снова боится. Боится, что когда-нибудь лишат «социала», а если не лишат, то урежут, боится, что неонацисты придут к власти, боится, что у детей и внуков не устроится здесь жизнь, Короче говоря, живёт и боится. Боится, что домашние поймут, что он всего боится. Боится, что если он не будет всего бояться, то будет ещё хуже. Короче говоря, боялся там, боится здесь. Что это за жизнь — жить и всё время бояться?

А, может, перестать бояться? Он не уверен, не пробовал. Боится попробовать. Короче говоря, боится, что не жизнь, а он сам виноват в том, что постоянно всего боится.

Откуда я родом (Фын воны их штамм арройз)

Еврейское местечко с синагогой
И ворохом гешефтов и забот.
Родившись под звездой его убогой,
Я в нём не жил—оно во мне живёт.
Е.Александров

«Местечковый еврей», — сказано о ком-то, и он может обидеться. Местечковый — значит провинциальный, неразвитый, ограниченный. Немножко «шлимазл», немножко «йолд» — в общем, местечковый. А ведь мы все: и одесситы, и киевляне, и москвичи родом оттуда, из местечка, из «штэтлэ».

Если не вы, то ваши родители или родители ваших родителей жили в маленьком еврейском местечке. Ну, предположим, ваши дед и бабка — коренные ленинградцы. Слава Б-гу, вам повезло. Гордитесь этим. Но уж их родители или прародители точно жили в местечке. Это потом уже, в больших городах, в таких как «Егупец» (Киев) или Одесса, или сама Москва Исаак стал Игорем, Мойша стал Михаилом, Ривка стала Раей, а Мендель стал Матвеем. Ну, и что в этом хорошего? Курей не стали носить резать к «шойхету», «шадхены» потеряли работу, а за советом вместо рэбэ стали ходить к юристу и ещё чёрт знает к кому (прости меня Г-ди). Талмудом стали называть всякое большое и запутанное писание, а свинину кушать чуть ли не вместе с фаршированной рыбой. Мы — не местечковые. Во всяком случае, нам так кажется, вернее, нам так хочется. Но стоит ли отречься от нашей истории, от наших предков, от наших «штэтлэ»? Конечно, улицы там были не мощёные — чуть брызнул дождь- и по колено грязь. Тротуары заросли травой, а убогие домишки заносило снегом по самые окна. Жили бедно и замкнуто, и без «шадхена» трудно было выдать замуж каждую из многочисленных дочерей.

Но при синагоге был «хедер», где учились дети, В «шабат» приодетые мужчины торжественно шествовали в синагогу. А наши еврейские праздники под «фрэйлехс», а настоящая еврейская свадьба с «хупой», а ... , да что там говорить! Мы с вами этого не знаем, не видели, хотя и считаемся евреями. Вам не очень нравится, что ваши предки по маминой линии родом из Касриловки, а по папиной — из Браилова? Ничем не могу вам помочь, а заодно и себе тоже, потому что мои предки родом из Фрилинга, что недалеко от Голты, вернее, от Богополя (одного из районов нынешнего Первомайска). Видите, вы даже не слышали о таком местечке — Фрилинг, а там родилась моя мама.

«Революция, о которой всё время твердили большевики, свершилась!»

Не стало пресловутой черты оседлости, и еврейская молодёжь ринулась из местечек в большой мир. Не будем говорить: плохо это или хорошо. Это было, значит, так должно было быть. Молодёжи стало тесно в местечках и она приобрела весь огромный мир, но при этом кое-что и потеряла. А это кое-что — не только бедность, бездорожье и изолированность от нееврейского мира. Это ещё и наши традиции, наш идиш, наша религия, наша самобытность. Теперь мы пытаемся себе это вернуть. Б-же милосердный, как это тяжело — несравненно тяжелее, чем было потерять. А... местечковость..., ну что ж, местечковость. Она в нас проглядывается сквозь весь наш «европейский лоск».

Вот идёт по улице доктор технических наук (в прошлом). Он и одет не как местечковый еврей, и на идиш ни слова не знает, и по-русски говорит почти как Лев Толстой, и свинину ест с удовольствием. Но..., когда говорит, то размахивает руками точно также, как его прадед—шорник в Бердичеве, а интонации в его речи — чисто «балтовские», и на «флёмаркте» он торгуется точно также, как его бабушка торговалась на большой ежегодной ярмарке в Жмеринке. И в политике он разбирается также великолепно, как его предки, когда обсуждали конфликт между кайзером и русским царём с учётом того, как этот конфликт отразится на жизни их «штэтлэ» и... наоборот. Так что, уважаемый доктор, никуда мы от нашей местечковости не денемся. И, слава Б-гу. Уж если мы с вами родились евреями, уж если мы все родом из местечек, то чего уж там — пусть в нас «выглядывает» хоть что-то еврейское, а что может быть в нас более и явнее еврейского, чем наша местечковость.

И не машите на меня рукой, не смотрите на меня как шойхет на старую курицу. Прошу вас, не надо.

Предчувствие

Григорий Михайлович проснулся в это утро с давно не испытываемым чувством – предвкушением чего-то радостного. Причём, произойти такое событие должно непременно сегодня. Под влиянием этого чувства он, вопреки приобретённой привычке полежать в постели после сна с закрытыми глазами и припомнить все немногочисленные дела на текущий день, энергично встал и направился в ванную комнату. Из зеркала на него глянуло немного одутловатое лицо с большим, нависшим над верхней губой носом, с грустными, как у старого мерина, выпуклыми глазами, морщинистым лбом и жёсткими седыми усами. Но даже вид этого, порядком надоевшего ему лица, не мог лишить его приподнятого настроения. Игриво подмигнув зеркалу, он энергично взялся за бритвё. Занимаясь туалетом, Григорий Михайлович с некоторым опасением прислушивался внутренне к этому необычному в последнее время ощущению. К его приятному удивлению, оно не покидало его.

— С чего бы это? – подумал Григорий Михайлович.

За шесть лет эмиграции подобное чувство не посетило его ни разу.

Из кухни доносились звуки обычной в это время возни жены.

— Софа, что там у нас сегодня? – крикнул в открытую дверь ванной комнаты Григорий Михайлович.

Жена то ли не слышала его, то ли не считала нужным реагировать. Ответа не последовало. Это тоже было хорошим признаком – как правило, утро для супругов начиналось с перебранки по любому поводу.

— Что же может такого случиться? – думал Григорий Михайлович, выходя из ванной комнаты. На кухне его ожидала привычная картина : жена стояла у плиты. Неприбранные после сна, крашенные в тёмно-коричневый цвет жидковатые волосы висели неряшливыми космами, ночная сорочка смотрелась на её плоской фигуре как на вешалке, немного сутулая спина с выделяющимися острыми лопатками явно выражала крайнее презрение к мужу.

— А, ты уже встал, наконец. Садись пить чай. – не поворачивая головы, сказала жена.

Ничто не могло сегодня испортить Григорию Михайловичу настроение. Покончив с чаем и бутербродами, он подошёл ко всё ещё стоящей у плиты спиной к нему жене, обнял её за худые плечи и, как можно более ласково, проговорил:

— Спасибо, Сонечка.

От неожиданности жена вздрогнула, повернула к нему не накрашенное лицо в мелких морщинках и, ничего не ответив, удостоила мужа полуудивлённым, полунасмешливым взглядом.

Чувство предвкушения чего-то хорошего не исчезло и теперь.

— Ну, ну, — сказал себе Григорий Михайлович, – поглядим, что будет дальше.

А дальше жена ушла в спальню «штукатуриться», как часто подшучивал над ней муж, а сам Григорий Михайлович уселся смотреть телевизионные новости. Сколько он ни прислушивался к себе, приятное чувство было на месте.

Затем супруги пошли в магазин за покупками, вернулись домой. Жена занялась обедом, а Григорий Михайлович, поглощённый своим предчувствием, шатался без дела по дому.

— Ты бы хоть пропылесосил квартиру, что ли? – крикнула из кухни жена.

Обычно это «хоть» выводило Григория Михайловича из себя, но сегодня всё было иначе. Побурчав негромко под свой длинный нос, он вытащил из кладовки пылесос и принялся за работу.

Время шло, но ничего ни радостного, ни просто необычного не происходило.

Зато, почему-то, нахлынули воспоминания о том, что пережили они в последние шесть лет. Переезд из Киева в Германию, «хайм», монастырская келья на двоих, двухъярусная железная «девичья» кровать, муки изучения немецкого языка, чувство своей ущербности и ненужности, поиски квартиры, беготня по «амтам» с переводчиком, рысканье по «шпермюллям», бесплодные поиски работы и, наконец, ностальгия по прошлой жизни, постепенно перешедшая в какое-то отупение. К своему удивлению, Григорий Михайлович обнаружил, что даже эти воспоминания не подействовали – настроение не портилось.

— Ну, что ж, — подумалось ему, — будем ждать.

Затем был обед, послеобеденный сон. Потом жена гладила бельё, а он читал «Еврейскую газету». Потом был ужин. Вечером супруги, как обычно, уселись у телевизора, а в половине двенадцатого улеглись на двуспальной кровати в спальне.

Григорию Михайловичу не спалось. Рядом похрапывала Софа, а в голову лезли разные мысли. Он

вдруг внимательно посмотрел на жену. В слабом свете ночника морщины на лице 60-летней Сони не были видны, закрытые глаза не могли излучать обычного презрения, рот не кривился в горестной усмешке.

Григорий Михайлович вспомнил, какой она была в молодости. Вспомнил свою женитьбу, студенческую свадьбу, общежитие, рождение дочери, сына. Жили они небогато, но дружно. Он работал, ездил в командировки. Соня тоже работала и, конечно, «вела дом». Вспомнил Григорий Михайлович и свои «шалости». При этом вместо удовлетворения и игривой внутренней усмешки, появилось чувство неловкости и даже сожаления. Вспомнил он болезнь жены, чуть не отправившую её на тот свет. После этой болезни она и стала такой худой и костлявой. Нет, это началось раньше, когда он уехал на полгода в командировку на Север, а она осталась с двумя детьми. В то время с деньгами у них стало полегче, но дети часто болели, а помочь Соне было некому. Да, тогда она и похудела, а заболела она позже.

Григорий Михайлович придвинулся к спящей жене, обнял её за плечи и нежно поцеловал в шею — раньше она это любила.

Жена негромко всхрипнула, непроизвольно придвинулась к нему всем телом, но не проснулась.

— Что же всё-таки означало это странное чувство? — подумал Григорий Михайлович, уже засыпая.

Было ровно двенадцать часов ночи. День кончился.

хайм - общежитие. амт - учреждение, шпермюльль - место, куда немцы выбрасывают из дому ненужные им (часто вполне пригодные к эксплуатации, иногда совсем новые) вещи: мебель, эл. приборы и проч.

Информация

Наш век—век информационного бума. Потoki информации буквально обрушиваются со всех сторон на головы не всегда подготовленных для этого граждан. Причём, в основном — потоки негативной информации. Включаешь телевизор: наводнение, землетрясение, лесные пожары и прочие стихийные бедствия. Сегодня, к примеру, не было этих бедствий, — получите террористический акт с многочисленными жертвами и маньяка-потрошителя впридачу. Читаешь газету: СПИД — чума XXI века, на нашу планету целенаправленно летит какой-то астероид, ну и тому подобные «новости». Бывает и менее негативная информация: озоновая «дыра» грозит Земле глобальным потеплением, на фондовых биржах Америки и Европы какой-то «индекс» сильно упал, а какой-то не очень поднялся, и это почему-то плохо. А информация об очередном повышении цен, а об изменении в законодательстве — причём, обязательно в худшую для нас сторону, а информация квартиросдатчика о повышении квартплаты, а... да разве всё перечислишь. Бывает и позитивная информация (без жертв, физических увечий, катаклизмов и бесконечных подорожаний): всякие опросы и анкетирования, запросы и предложения, просто сообщения, объявления и уведомления. В этих случаях никто не расстался с жизнью и даже физически не пострадал. А кто измерит моральные страдания получателей — невинных жертв этого безбрежного информационного океана?

Но сколько бы информации не падало на голову американца, израильтянина или, тем более, эфиопа, — на голову жителя Германии, в том числе и на голову еврейского иммигранта, этой всяческой информации приходится намного больше. Думаете, газет или журналов, или телевизионных программ в Германии больше, чем в других странах?

Или эти источники нашпигованы информацией более, чем в Америке или в Израиле? Ничуть не бывало! Дело, видимо, в другом. Похоже, в Германии перепроизводство писчей бумаги. Столько писем, анкет, циркуляров и сообщений от различных «амтов» (учреждений) и прочих организаций доставляет почта ежедневно жителям Германии, что, поделись Германия своими излишками бумаги с Украиной (например), и в Украине можно было бы закрыть всю писчебумажную промышленность. Пусть бы мы только получали информацию, но ведь требуют различную информацию и от нас, грешных. Причём, систематически требуют, из разных «амтов» и не «амтов» и всегда срочно! А уж о том, на каком языке пишутся все эти письма, запросы и прочие «послания», разговор особый. К

почтовому ящику, обречённый канцелярщиной на муки человек, подходит по утрам со страхом и с дрожью в конечностях. Опять письмо!

С тоской вскрывает конверт, вынимает очередное послание «лично», берёт в руки словарь и ... начинается кошмар. Всегда один и тот же. Перевёл (с помощью словаря) все слова в очередном предложении, но, как тот чукча в анекдоте, который в «Поле чудес» угадал все буквы, но не угадал слова, смысла этого предложения так и не понял.

Пот проступает на лбу, тошнота подступает к горлу, но все последующие предложения в проклятом письме также остаются загадкой. И только конец письма всегда ясно переводится: Вам надлежит прислать ответ в недельный срок и... с дружеским приветом... На что, простите, ответ? Что нужно сообщить этому «дружескому амту»?

Идёт наш страдалец к соседу — коренному немцу. Тот (разумеется, без словаря) внимательно читает письмо, но результат почти тот же. То есть, немец все слова не переводит, он их и так знает, но вот смысл!!! С горем пополам разъясняет он бедолаге, что тот должен сообщить (в который уже раз!): женат ли он и не изменились ли со времени прошлого опроса его год рождения, национальность и пол.

И всё это он должен сообщить (что очень для него важно!) в полном соответствии с §118943 и 2868756, „Гезетца“ (закона) такого-то, от такого-то числа, месяца и года.

И всё это очень вежливо и с непременно «дружеским приветом».

Надо ли объяснять, где наш бедолага видал этого «друга» и куда бы он его послал вместе с ответом на «дружеское» письмо?

А сколько различных рекламных листов, проспектов, предложений и лотерей вытаскивает из своего почтового ящика средний житель Германии? Но уж тут, наученный горьким опытом, он, как правило, проблем не имеет. Главное — сразу же выбросить эти проспекты и лотереи, не читая. Не дай Б—г, просто ответить на одно из этих посланий «лично херру (господину) такому-то» (и откуда у них наши адреса и фамилии?).

Если же ответил, а тем более, сообщил номер своего «конто» — ты пропал! Пока они тебя не нагреют на пару сотен, не отвяжешься. Вот и получается: пока переведёшь и переваришь полученную по почте, по эфиру, через спутники, из газет и журналов всю эту огромную информацию, да ещё и сообщишь требуемую от тебя, то воспользоваться информацией уже времени просто не хватает. Да что там пользоваться информацией — просто жить нормально некогда!

Дядя Петя

Дядя Петя уходил на фронт первым из нашей родни. Все собрались у нас.

Квартира, по тем временам, у моих родителей была большая, двухкомнатная, а главное — изолированная. Правда, и семья была не маленькая: папа, мама, бабушка, бабушка и я — пятилетний мальчишка.

По большим праздникам к нам приходили мамина сестра со своим мужем дядей Петей и шестилетней дочкой и сёстры отца со своими мужьями и детьми.

Горячо обсуждали новости — семейные и политические, пили дешёвое бессарабское вино, пели песни. Иногда ссорились по пустякам, но всегда было шумно и весело, и расходились все довольные застольем и друг другом.

Шёл десятый день войны. Никто не понимал, что происходит, почему немцы наступают, а наши отступают. Главное, никто толком не знал, что с нами со всеми будет, и что должны делать. В тот день я случайно подслушал разговор отца с мамой:

— Илюша, что же снами будет? Неужели немцы придут в Одессу? Карпинские уезжают куда-то в Среднюю Азию. Может, и нам нужно подумать?

— Куда вам ехать?—неуверенно ответил папа, — с детьми, со стариками. У тебя, что — есть много денег, чтобы ехать и устраиваться на новом месте?

— Почему ты говоришь вам и у тебя? А ты?

— Вот, ты сказала, что не знаешь, что делать. А Дядя Петя знает. Он идёт добровольно на фронт. Уже завтра идёт.

— Боже мой! Что ты хочешь сказать?

— Вот, все говорят, что война – это не надолго, что скоро немцев погонят, а я думаю иначе. Говорят, что немцы не трогают евреев, но я не уверен, не знаю—говорят и другое, не знаю.

— Ты всегда был фантазёром. Тоже мне вояки нашлись. Парикмахер и агроном. Кроме вас с дядей Петей воевать некому? Принеси лучше табуретки и достань в буфете тарелки – скоро люди придут. Позже, много раз вспоминал я и этот последний совместный со всей роднёй ужин, и этот разговор моих родителей. Нам, детям накрыли отдельно стол в маленькой комнате, и мы с гамом и толкотнёй уселись уплетать бабушкины пирожки, запивая их компотом.

О чём там непривычно тихо говорили взрослые, я не знаю, но бабушка несколько раз заходила взглянуть, что делают дети, и глаза при этом у неё были красные.

Поздно вечером гости расходились по домам. К нам в комнату зашёл дядя Петя – небольшого роста, худощавый, черноволосый парикмахер, всегда немного застенчиво улыбающийся. Он окинул нас взглядом, подошёл к своей дочке и тихо, обращаясь ко всем, сказал:

— Детям пора баиньки, а дяде Пете пора собираться в путь.

Он всегда говорил о себе в третьем лице – дядя Петя. Так его и называли все родичи: и взрослые, и дети, и даже старики.

На следующий день он ушёл на фронт. Больше мы его не видели.

Мы с мамой и нашими стариками уехали в Самарканд. Тётя Поля, жена дяди Пети, с дочкой остались в Одессе. В 42-м году их расстреляли немцы. Мой папа прошёл всю войну, трижды был ранен, но пришёл с войны живой. Мы к тому времени уже вернулись на Украину, и он там нас нашёл.

Позже мы узнали, что дядя Петя погиб в 43-м где-то под Харьковом.

А в 48-м году к нам домой пришёл высокий, дородный, голубоглазый, весь пропахший табаком и одеколоном капитан Юдин.

Он сразу с порога спросил:

— Здесь живут родственники дяди Пети?

— Здесь, — удивлённо ответила мама.

— Тогда я к вам. Меня зовут Сергей Юдин. Я воевал с нашим дядей Петей два года. Я его и похоронил. А это – вам, — залпом выпалил он и выложил на стол небольшой пакет.

Наступила тишина. Никто не проронил ни слова. Тогда папа взял со стола пакет и развернул его. Вот что в нём было: несколько фотографий, два ордена «Красного Знамени» и медаль «За отвагу». Это были фотографии жены и дочки дяди Пети и один снимок, на котором дядя Петя был снят со своими фронтовыми друзьями. Он был в военной форме с погонами старшего лейтенанта. Рядом с ним стояли тогда ещё лейтенант Юдин и несколько военных. У них были серьёзные, значительные лица, и только у дяди Пети была смущённая улыбка и грустные глаза. На груди у всех были медали и ордена. Но больше всех наград было у нашего дяди Пети.

Весь вечер мы сидели за столом и слушали рассказ капитана.

Дядя Петя и Юдин встретились в ноябре 41-го года. Они служили в полковой разведке. Туда подбирали, как правило, физически сильных, боевых ребят. Но дядя Петя неплохо знал немецкий, и это определило его судьбу.

— Сколько было рейдов в тыл к немцам, — вспоминал капитан, — сколько было стычек с ними за линией фронта, сколько было «языков». Наш дядя Петя оказался разведчиком от Бога. Он всё делал без спешки, основательно. Нужно ли было сделать проходы в проволочном заграждении или в минных полях, нужно ли было замаскироваться на день в поле, или бесшумно снять часового. Лучшее всего это получалось у дяди Пети. А как он умело и быстро разбирали захваченные у немцев документы и карты, как хитро, основательно допрашивал пленного. А в свободное от рейдов время дядя Петя с удовольствием занимался своим делом – стриг весь комсостав полка. Однажды, это было уже в 42-м под Ростовом, он на себе нёс меня раненого в ноги пять километров к нашим. Как только он меня, такого здоровенного, дотащил?

— Вы говорили, что похоронили его сами. Как он погиб? – спросил папа.

— Это было под Харьковом, в городке Новая Водолага. Мы наткнулись на немцев, уже уходя к своим после рейда. Его ранило в левую руку и в грудь. Нужно было срочно уходить, немцы нас окружали. Нас было пятеро, а их, наверное, целый взвод автоматчиков.

— Мне не уйти, Серёжа, — сказал дядя Петя. – идите, я их встречу здесь. Только дайте мне ещё пару «дисков». Делать было нечего, тем более, что старшим в группе был он. Мы ушли, а он остался. Сначала мы слышали его автомат. Потом он умолк. Через два дня наш полк пошёл вперёд, мы взяли эту чёртову Водолагу. После боя я с ребятами нашёл дядю Петю, и мы похоронили его там же, в лесочке. Поставили доску со звездой и надписью. Думали, потом, когда-нибудь вернёмся сюда и поставим памятник. Я был там в 46-м после госпиталя, но ни доски с надписью, ни могилы не нашёл.

Жалко.

Капитан Юдин на следующий день уехал к себе на родину, куда-то под Иркутск. Награды дяди Пети остались у нас – у него нет других родственников – жена и дочка погибли, родители умерли ещё до войны. Братьев и сестёр у него не было.

Пока папа был жив, каждый год в день Победы он, выпив «офицерские сто грамм», одевал свои награды, вынимал из комода награды дяди Пети, раскладывал их на столе, ставил рядом его фронтową фотографию и говорил всегда одну и ту же фразу неизвестно кому:

— Вот, ты говоришь, что без нас, вояк, всё обошлось бы. Он знал, что нужно делать. Всегда знал и делал

Ох, уж эти жёны!

Семён Львович относит себя к той категории людей, которые ко всему относятся критически. Мало того, утверждая, что это качество вообще является качеством еврейским, он себя относит к тем евреям, которые обладают им в высшей степени. Правда, его жена Циля несколько другого мнения на этот счёт. Но где вы видели жену, да ещё еврейскую жену, которая, прожив с мужем столько лет, сколько прожила Циля Борисовна с Семёном Львовичем, была бы согласна с мужем, да ещё в его самооценке? Можете себе представить, что она подумала, когда однажды он пришёл домой, ещё в Конотопе, и с очень умным и самодовольным видом заявил:

— Циля, я долго думал и вот что я решил — мы никуда не едем! Спроси меня почему, и я отвечу.

— Ну, так скажи мне, умник, почему мы не едем, если дети и внуки уже полгода живут в Германии, а мы уже, слава Б-гу, получили разрешение и сидим в пустой квартире на восьми чемоданах с вещами?

— ласково спросила Циля.

— Я так отвечу тебе,—с издевкой воскликнул Семён Львович. — Ведь никто из наших ни о чём не думает. Все кричат: надо ехать, надо ехать! И все едут. Ну... почти все. По крайней мере, я слышал, что из всех кого мы знаем в Конотопе, а мы знаем почти всех приличных людей, только Циперовичи и Альперты не едут, пока не едут. Ты понимаешь, что я имею в виду?

—Что я не понимаю, это ещё полбеда, но понимаешь ли ты, какую глупость ты несёшь? Сегодня один день за всё последнее время, что у меня не болит голова, так ты решил мне это устроить — головную боль. Или ты мне скажешь, какая умная вещь вошла в твою старую глупую голову, или я пойду жарить котлеты. Б-г мой, за что мне это наказание на старости лет.

— Посмотрим, дорогая, что ты мне скажешь, когда я тебе всё объясню. Слушай меня внимательно, слушай, не перебивай! Если все евреи, ну почти все евреи, уедут из Конотопа, то нам -- умным, которые не уедут, обязательно дадут большие льготы здесь. Почему дадут льготы? Во-первых, потому что нас мало останется. Во-вторых, потому, что много уедет, а, в - третьих, потому, что «им» ничего другого не остаётся, как дать нам большие льготы. Ну, и как тебе это нравится? Неужели тебе ещё не ясно, что я абсолютно прав? Что ты мне скажешь: едем мы теперь, или не едем?

Семён Львович смотрел на жену взглядом, которым профессор смотрит на первокурсника, которому он только что объяснил закон земного притяжения.

Жена смотрела на него грустно и жалостно. Минут пять она не могла произнести ни слова, а затем очень тихо и очень вежливо ему сказала:

— Я пошла жарить котлеты, а ты закрой наш старый жёлтый чемодан, там не работает одна застёжка. И не мучай себя, Сёма, у тебя больное сердце и тебе вредно волноваться. Ну, а... льготы, что ж льготы..., мы без них там проживём. Ты, главное, не волнуйся.

— Боже, — горестно подумал Семён Львович, — до чего же они глупы, эти женщины. Простых вещей не понимают, а упрямства в них, не дай Б-г. Ничего не поделаешь — придётся ехать. И так всегда!

Теперь в Германии Семён Львович не любит вспоминать об этом, а жена, слава Б-гу, наверное, по своей женской глупости, просто забыла за эти льготы.

Старые евреи

Вы не заметили? В наше время вдруг стало очень мало старых евреев.

Нет, пожилых и очень пожилых евреев, может быть, больше, чем надо. Не хватает именно "старых евреев". Чтобы это понять, надо вспомнить, что же это такое — старый еврей.

Если еврею далеко за шестьдесят — это ещё не значит, что он может называться этим почётным "именем".

Судите сами. Если пожилой еврей может позволить себе высказаться как одесский биндюжник, даже наедине с собой, то кто он по-вашему? А если он, не дай Б-г, скажет что-нибудь подобное в присутствии дамы? А если он так скажет на свою жену или (ещё страшнее!) на Вашу? Если к такому еврею придёт знакомый и попросит его одолжить немного денег, то что он, вы думаете, сделает?

Вместо того, чтобы рассказать просящему пару "мансей" (бак) из жизни еврейского народа, из Талмуда, объяснить этому человеку, что жить нужно экономно, а потом, всё-таки, дать ему денег взаймы, этот старый еврей расскажет, как тяжело живётся ему самому, но денег не даст.

Наконец, старого еврея можно отличить чисто внешне. Нет, лапсердак и пейсы — это в прошлом, это, к сожалению, уже не обязательно. Его можно определить по глазам. Какими были глаза у наших дедушек и прадедушек? Что видели дети и внуки в этих старческих подслеповатых глазах? Они видели неизбывную грусть и бесконечную доброту. Грусть, потому что под конец жизни они поняли, что всё на этой земле не так, как им бы хотелось и как должно быть. А доброту — потому что это единственное, чем наши дедушки и прадедушки могли скрасить хоть немного эту жизнь.

А что видят наши дети и внуки в наших глазах? То-то же. Миру явно не хватает "старых евреев".

Немного об Одессе.

Ах, Одесса! Нет в мире другого такого города. Ни один город во всём мире не похож на Одессу, и она, наша Одесса не похожа ни на какой город. Ибо в ней есть лучшее от многих городов.

В Одессе Вы найдёте портовый шик Марселя, деловитость Нью-Йорка, шумные базары Стамбула, красоту дворцов С-т.Петербурга и умиротворяющую прелесть переулков московского Старого Арбата. И при всём при этом в Одессе есть оперный театр, который соперничает с театрами Милана, Вены и Парижа.

А где Вы увидите такую Потёмкинскую лестницу? И в каком городе Вы найдёте такой колорит, как в нашей Молдаванке?

Нет, Вы только вслушайтесь в эти названия: Аркадия, Пересыпь, Ланжерон, Большой Фонтан, Ближние Мельницы, Лузановка! Какая поэзия! Это же готовая поэма! Не надо рифмы! Да что там поэма — это же опера! Моцарт и Верди многое потеряли, не побывав в Одессе.

А какие люди прославились, благодаря нашей Одессе! Вы же их всех знаете: Пушкин и Бабель, Багрицкий и Инбер, Утёсов и Жванецкий. Да что я Вам говорю? Это же Одесса и одесситы.

Ах, Одесса! Счастлив тот, кто имел счастье родиться и жить в этом городе. Ну, конечно, не каждому так повезло, как нам с Вами. Потому что одесситы — это не просто жители одного города, это и не нация. Одесситы — это особая порода людей, пропахших морем и впитавших с молоком матери особый поэтический аромат воздуха нашего города. Ну, а что такое одесский юмор — так это такая вещь, о которой нельзя просто писать. Одесский юмор нужно слушать, чувствовать, впитывать в себя как воздух, как нектар. Одесский юмор — это живительная, благодатная смесь юмора русского, украинского и, конечно же, еврейского.

Вы можете представить себе одессита без чувства юмора? Я — нет! Потому что одессит без чувства юмора — это всё равно, что музыкант без слуха

И зачем удивляться, что именно Одесса всегда и даже сейчас ещё говорит на русско-украинском диалекте с явным еврейским акцентом. Это же известно всем. Не будем выяснять — хорошо это или плохо, но это так, и это замечательно. Но при этом возникают некоторые вопросы. Когда говорят о

чём-то сами евреи, или когда говорят неевреи о нас, всегда возникают вопросы. Вот и по поводу того, что Одесса говорит с еврейским акцентом и даже употребляет значительное количество слов из идиш, тоже есть вопросы. Когда появились в Одессе евреи и какими они были?

Так вот, да будет Вам известно, что евреи были среди первых жителей Одессы, и на старом еврейском кладбище стоял памятник «мужу честному и праведному, рабби Меиру», который умер в 1793 году, то есть за год до того, как завоёванную крепость Хаджибей переименовали в Одессу.

И был основан город-порт, и поселились в нём разные люди: русские, украинцы, греки, поляки, армяне, даже итальянцы. И в 1795 году среди 1350 жителей города насчитали 246 евреев. И не трудно посчитать, что количество евреев в Одессе на тот момент составляло уже немногим более 17%.

Как Вы думаете, с чего начали евреи на новом месте? Они начали именно с того, с чего должны были начать евреи. Они учредили погребальное братство и общество попечения для больных (а как же иначе?). Затем евреи построили больницу (она и сейчас называется еврейской) и синагогу на Еврейской (ещё бы!) улице. Сегодняшние евреи, к сожалению, на новом месте далеко не всегда начинают с этого.

Был такой еврейский писатель Осип Рабинович (редкая фамилия). Так про Одессу тех времён он писал:

«Много евреев стекалось в Одессу из Малороссии, Литвы, Подолии, Волыни, Царства Польского; бывали также евреи из Англии, Италии и других стран Европы... Увидев себя на просторе в этом новом Эльдорадо, наши единоверцы предавались большим эксцентричностям, как в костюме, так и в образе жизни. Иными господами, скромными и бережливыми у себя дома, по прибытии в Одессу овладевал угар от пикников и венгерского, карт и турецкого табака, лошадей и оперных героинь...»

И Вы тут же подумали, что первые евреи Одессы только и делали, что пили венгерское вино, играли в карты, курили табак и развлекались с оперными девицами. Но если бы они только гуляли и безобразничали, то что это были за евреи?

И вот как описывал еврейскую жизнь в Одессе очевидец тех времён:

«Разные ремёсла и промыслы процветают также у евреев в Одессе. Всякий порядочный ремесленник ведёт здесь счастливую, беззаботную жизнь... Умилительную картину представляют эти подёнщики, обыкновенно люди пожилые, когда они тяжкий труд свой услаждают стихами из Святого Писания и изречениями из Талмуда... Другие занимаются в каменоломнях вокруг города, и нет ни одного публичного здания, ни одной церкви, для которой евреи не доставляли бы камни.»

Вот так вот жили первые евреи в Одессе.

А ещё они с большим успехом занимались торговлей пшеницей. Со временем они стали соперничать с греками на международных рынках, и это, разумеется, не прошло им даром.

Да не очень огорчатся современные одесситы-евреи и не очень возмутятся одесситы-неевреи, но первый еврейский погром в России произошёл таки в нашей Одессе.

И как во всех почти погромах, так и в этом поводом послужили события не в Одессе, а в совсем даже в далёком от Одессы Стамбуле.

В апреле 1821 года, в день православной Пасхи толпа турок ворвалась в Стамбуле в церковь, выволокла оттуда греческого патриарха Григория и повесила его на входных дверях. Затем турки разрушили многие церкви и стали убивать греков. Беглецы-греки из Стамбула, добравшись до Одессы, стали рассказывать, что, будто бы, и евреи участвовали в тех безобразиях и насилиях и даже издевались над трупом Григория. В Одессу привезли тело несчастного патриарха для погребения, и после его похорон, 19 июня 1821 года толпа кинулась избивать евреев, грабить имущество и громить дома.

Но не зря же все евреи знают, кем была для нашего народа библейская Эстер, и вообще на что способны еврейские женщины. У евреев Одессы сохранилось воспоминание об одной женщине по имени Бейля или, как называли её ласкательно, Бейлечка. Так вот, рассказывали, что когда начался погром, и еврейские мужчины, вместо того, чтобы организовать самооборону, молились Господу нашему, она тут же побежала к городскому начальству и умолила его защитить избиваемых. Что она говорила и как убеждала власть предрержавших – это неизвестно. Был отдан приказ, и порядок быстро восстановили.

Современники Бейлечки говорили ещё и о том, что она вообще-то говорила по-русски не слишком хорошо, вставляла много слов из идиш и иврита и украшала речь свою шутками.

Говорили также очевидцы, что сама Бейлечка и её речь в защиту евреев так понравились городскому начальству, что оно не только запомнило и повторяло её «словечки», но даже подражало ей в интонациях и в произношении некоторых слов. В дальнейшем Бейлечку иногда приглашали к себе высшие городские чиновники, чтобы послушать как она говорит по-русски. А может быть её приглашали не только для этого. Вот так и пошла гулять по Одессе русско-украинская речь с

Бейлечкиным еврейским акцентом.

Так оно всё было, или не совсем так, или Бейлечка здесь не при чём – это уже установить невозможно, да оно и не столь важно.

Памятка для еврейского эмигранта в Германии

Осознай изменение своего статуса по приезду в Германию.

Прежде всего ты утратил своё отчество: никаких Израилевичей, Семёновичей, Фёдоровичей, а тем более Николаевичей! Просто и скромно: если ты был Игорем Семёновичем по партбилету, то стал теперь Исааком по анкете. Для социаламта — контингентфлюхтлинг (беженец), для обывателей-немцев — русский, для еврейской общины ты — еврей, который только называет себя евреем, но которому нужно ещё доказать, что он еврей.

Если ты кое-что и потерял, приехав в Германию (отчество, инженерную должность, садовый участок, «жидовскую морду» и т.п.), то есть и определённые приобретения. Ты стал «херром» (не путать с общеизвестным «п---ц»---ничего общего; этим самым на букву «п» и с окончанием на «ц» ты стал ещё на родине, когда решал: уезжать ли оттуда, а если да, то – куда).

2. Если всё изложенное выше осознано тобой, то двигаемся дальше. Но, куда бы ты не двигался, мимо социаламта ты не пройдёшь. Социаламт — это такое заведение, которое можно сравнить с богатой тёщей. Её не любят, проклинают, хаот за глаза, но заискивают перед ней, чтобы получить от неё как можно больше денег. Если у тебя не было и нет богатой тёщи, можешь сравнить социаламт с любым богатым родственником. Если у тебя не было никогда и такового, то ты не сравнивай этот «амт» ни с кем и ни с чем, а просто получай свою «хильфу». Важнее другое: с кем тебя сравнивает этот «амт», за кого он тебя «имеет» Объяснять это долго, но походив в социаламт по поводу оплаты найденной тобой квартиры, или оплаты необходимой тебе мебели и по разным другим поводам, ты сам поймёшь кто ты есть для социаламта.

Но вот ты уже, слава Создателю, имеешь квартиру и всё в квартире (кое-что от социаламта, кое-что от «шпермюлля»), и перед тобой встала извечная проблема — каким гешефтом заняться. Об просто работать по найму не может быть и речи — куры засмеют (если не куры, то соседи и родственники).

3. Большинство эмигрантов в начале своего пребывания на новой родине пытаются торговать, причём, оптом и обязательно в надежде на тупость и доверчивость местного населения. Но эта «детская болезнь» быстро проходит (хорошо, если без неприятных последствий и осложнений). Чем же заняться? Выгоднее и безопаснее всего так называемым «еврейским вопросом».

Конкретнее? Пожалуйста. Можно написать книгу по истории, скажем, евреев в Украине или в Белоруссии. При этом очень важно «правильно» описывать эту историю. Если ты собираешься подешевле (а то и задаром) издать эту книгу, например, в Украине, то «нужно» писать о том, что там антисемитизма либо не было вообще, либо если и был, то очень «маленький». О «хмельниччине» и о Бабьем Яре писать не нужно. Соответственно, это же рекомендуется и по поводу истории евреев в Белоруссии и в России. Можно заняться описанием истории евреев в Германии. Можно, но очень осторожно. Больше писать о том, где проживали евреи на территории Германии и меньше о разных «неприятных» событиях. Больше о том, как рады нам сегодня здесь, иначе денег на эти «научные» изыскания не получишь. Есть ещё некоторые возможности, но не всё сразу.

4. Самое главное — не конфликтовать ни с кем, никого не злить, не задевать «острые углы». Помнишь, как в Украине говорили: «ласковое теля двух маток сосёт». 5. И ещё одно: прочитав эту короткую памятку, спешి ею воспользоваться! Не опоздай! Желających — много! На всех денег у немцев может и не хватить.